

УДК 008
ББК 74.0

ИДЕЯ «БОГОПОДОБИЯ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (X–XIII ВВ.)

THE IDEA OF GOD-LIKENESS IN THE PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE OF ANCIENT RUSSIA
(X–XIII CENTURIES)

Налётова Наталья Юрьевна

Профессор кафедры педагогики и психологии
Смоленского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

E-mail: nal.nat@yandex.ru

Nalyotova Natalya Yu.

Professor at the Department of Pedagogy and
Psychology, Smolensk State University, ScD in
Education, Full Professor

E-mail: nal.nat@yandex.ru

Сенченков Николай Петрович

Заведующий кафедрой педагогики и психологии
Смоленского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

E-mail: pedagogik1@yandex.ru

Senchenkov Nikolay P.

Head of the Department of Pedagogy and
Psychology, Smolensk State University, ScD in
Education, Full Professor

E-mail: pedagogik1@yandex.ru

Аннотация. Осмысление образования, воспитания, педагогической мысли в тот или иной исторический период определяются антропологической парадигмой. В данной статье мы исходим из положения, что процессы образования, воспитания, педагогические системы или теории базируются на определенных идеях о человеке, представлениях об идеалах человеческой личности и поэтому могут быть поняты только внутри контекста человека. Идеал человека у любого народа соответствует народному характеру, определяется общественной культурной жизнью народа, развивается совокупно с его развитием.

Abstract. Studying and judgment of education, upbringing, a pedagogical thought during this or that historical period is defined by an anthropological paradigm. We build this article upon the provision that the processes of education, upbringing, pedagogical systems or theories are based on certain views about the human-being, ideas of ideals of them and therefore can be understood only in a context of the human-being. Any people's ideal of man corresponds to the national character, is defined by the public and cultural life of people, and evolves altogether with their development. In this article the authors set the

В данной статье автор ставит перед собой задачу изучения специфики личностного идеала эпохи Древней Руси (X–XIII вв.), его достижения посредством религиозной мысли, образования, практики воспитания, учительной литературы, наставничества. В древнерусский период Русь связывает задачи просвещения человека с первоначальным развитием духовной стороны личности, ее религиозности и нравственного поведения, что становится центральной антропологической идеей отечественного воспитания, его цивилизационной сущностью, смыслом, самобытным признаком, а также общей преобладающей тенденцией.

Данная статья вносит вклад в теорию воспитания, в историю педагогической мысли России.

С точки зрения методологии статья представляет педагогической науке гносеологический анализ процессов становления и развития отечественного образования и воспитания в контексте антропологии Православия. Статья представляет интерес для исследователей древнерусского периода России, студентов и аспирантов, изучающих дисциплину «История педагогики», а также для всех занимающихся историей отечественной культуры.

Ключевые слова: история образования, антропология, личность, образование, воспитание, религиозно-педагогическая мысль, богоподобие, Древняя Русь.

task of studying the specifics of a personality ideal of the Ancient Russia era (the 10–13th centuries), achievement of it by means of a religious thought, education, practice of education, insightful literature, mentoring. During the Old Russian period Russia connects tasks of educating the person with the initial development of the personality inwardness, their religiousness and moral behavior; that becomes the central anthropological idea of the domestic education, its civilization essence, sense, original sign and also the general prevailing tendency.

This article makes a contribution to the theory of education, to history of a pedagogical thought of Russia. From the point of view of methodology the article submits the gnoseological analysis of processes of forming and developing the domestic education and upbringing to the pedagogical science in the context of the Orthodox anthropology. The article is of interest to the researchers of the Old Russian period of the country, students and graduate students studying “History of Pedagogics” and also to all engaged in history of the Russian culture.

Keywords: history of education, anthropology, personality, education, upbringing, religious and pedagogical thought, God-likeness, Ancient Rus.

Вопрос об «идеальном» является частью религиозно-философского вопроса о смысле жизни человека, его назначении. На постижение смысла и фундаментальной цели своего существования направлена вся история человечества. Поколение каждой исторической эпохи формировало свои оригинальные представления о сущем, свои устремления и идеалы бытия и передавало их своим потомкам.

Идеал в своем общеупотребительном лингвистическом значении – высшая степень чего-то ценного для людей, завершённое состояние какого-либо явления.

В гносеологическом смысле «идеал есть истина, в эстетическом – прекрасное, в этическом – совершенство» [1, с. 78]. Под совершенством понимается также идея высшего

образца, с которой соотносятся смысл, цели и результаты предпринимаемых человеком усилий.

Проблемы бытийных смыслов, личностных идеалов в религиозно-философской и в педагогической традициях России являются предметом изучения в разных научных областях. Исследования по данной проблематике составили теории, раскрывающие сложность культурно-исторического бытия России (А. С. Ахиезер, С. Н. Булгаков, Ю. Ю. Булычев); концепции онтологических основ образования и культуры (П. А. Гагаева, С. В. Перевезенцева); работы, изучающие воспитательную деятельность в контексте религиозной аксиологии (Е. П. Белозерцев, М. В. Богуславский, Н. Д. Никандров, прот. Е. Шестун).

Вопросам становления личностных идеалов в России посвящена работа современного исследователя О. Л. Янушквичене, в которой автор анализирует теоретические представления о духовном воспитании, представления о сущности и целях духовного воспитания, о способах духовного воспитания; а также о том, какие средства и методы могут быть использованы для духовного воспитания в рамках нескольких социально-исторических парадигм [2, с. 7].

В работе исследователя И. Е. Шкабары «Генезис педагогических парадигм образования в российской социально-культурной деятельности» проводится анализ **генезиса парадигм воспитания – «зарождения предпосылок, появления и последующего процесса развития социально значимых идей, представлений, приведшего к становлению ценностно-смысловых оснований практики обучения» и формированию идеалов** [3, с. 4].

В данной статье мы ставим перед собой задачу изучить историко-педагогический опыт Древней Руси, в основании которого лежит особое представление об идеале человека, целях и средствах воспитания, взаимодействии учителя и ученика, основных способах и средствах достижения фундаментальной исторической цели.

В качестве методологической платформы исследования выступают антропологический и цивилизационный подходы, а также историко-структурный метод, позволяющий выявить цели, ценности, идеалы человеческой жизнедеятельности, пути и формы их достижения на разных этапах российского культурно-исторического развития.

Важным событием в отечественной социокультурной традиции становится крещение Руси, изменившее религиозный культ, жизненный уклад, целеустремления русского народа, его воззрения на мир и поведение. С этого момента и до конца XVIII в. Православие остается вершиной национальной культуры, философии, образования, воспитания, педагогического сознания, то есть всего национального развития нашей страны.

Концептуальной основой развития образования периода Древней Руси (X–XIII вв.) является мировоззренческая парадигма христианства. «Антропоцентризм христианской картины мира сочетается с теоцентризмом и христоцентризмом картины бытия. Целокупная реальность формируется онтологической осью Бог – Человек» [4, с. 119]. Христианство, являющееся онтологической основой человеческого бытия, есть в сущности своей религия личности. В своем подходе к человеку религиозная антропология исходит из того, что отношения человека и Бога зависят от самого человека и того, в каком состоянии находится его духовный мир.

Эти онтоантропологические основания выступают как подход в изучении и понимании истории, культуры, образования и воспитания, то есть всех важнейших сфер земного преобразования и совершенствования человека.

Многие исследователи, изучая особенности русского цивилизационного развития, отмечают, что несмотря на то, что христианское мировоззрение проникло в сознание людей и было ими принято в своих главных постулатах, эта духовная сила не пробудила мысль (Логос). «Софийная Русь так чужда Логосу?» – вопрошает Г. П. Федотов. Русский религиозный философ В. В. Зеньковский писал о том что «русское религиозное сознание воспринимает христианскую доктрину как нечто завершённое и не подлежащее анализу» [5, с. 37].

Философ Ю. Ю. Булычев отмечал: «...в лоне Православия развивается особый, далеко не характерный для других, более обмирщенных христианских конфессий, сакрально-символический взгляд на мир... Понятие святой духовной чистоты, жизненно-практические критерии пребывания человеческого духа в истине первостепенны для православного сознания, довольно равнодушного к внешней убедительности и логической доказательности воззрений. Взгляд не из ума, не из чувства, а из *сердца* крайне характерен для православной точки зрения на мир. Этим объясняется то, что ценность *целомудренности*, уравновешенной *трезвости* мирозерцания, в котором не должно быть уклонений в сторону неразумной чувственности или отвлеченной умственности, является наиважнейшей для восточного христианина. Его стремление совершенствоваться не только нравственные начала человеческого существования, но и сами духовные силы-побуждения, лежащие в основе нравственных начал, его глубокая богословско-мистическая сосредоточенность заставляют искать не внешнего знания, а способов сокровенного приобщения к истине, духовного зренья, сердечного ведения» [6, с. 45].

Созвучен с Ю. Ю. Булычевым и И. В. Киреевский: «Россия не блеснула ни художествами, ни учеными изобретениями... не имея времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств, в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов» [цит. по: 7, с. 35].

Итак, в религиозной культуре зарождается концепция совершенного человека, представления об идеале личности, идеале человеческих взаимоотношений. Средоточием антропологической идеи православной Руси становится положение о том, что человек сотворен по Образу и подобию Божию. Несовпадение «Образа» и «подобия» в человеке, того, что есть в наличии, и то, что задано, составляют целецелостную основу жизни человека – богоуподобление.

С. С. Хоружий пишет об этом так: «Духовная практика (практика богоуподобления) – это фундаментальный антропологический феномен, который заключается, кратко говоря, в том, что человек реализует в нем некоторое свое имманентное, ему присущее

устремление к инобытию. Человек не соглашается с собой таким, каким он дан себе, со своей наличной данностью. И не соглашается он в самом фундаментальном главном смысле, в каком это возможно. Он не соглашается не с какими-то косметическими деталями своего устройства, даже не с какими-то деталями своего внутреннего мира... Он ощущает... что нужно ему для его самореализации, для его самоосуществления, для сведения своих внутренних счетов со своей жизнью – не по каким-то коллективным, социальным или иным стимулам, а сугубо из глубины самого себя. И когда он осуществляет духовную практику, он осуществляет это как свое сугубо личное, индивидуальное дело» [4, с. 98]. Подобной трактовки антропологии христианства придерживается педагог-исследователь Е. Шестун, который пишет: «В процессе духовного становления (продвижения человека к соединению с благодатью) энергии человека, не подавляясь, усваивают себе новый строй, сообразный с действием благодати. Человеческие энергии могут лишь создавать условия и предпосылки для этого. “Совершенство-устремление” рассматривается как вектор и устремление, доминанта, сила и энергия духовно-нравственного становления» [7, с. 18].

Отстаивая христианскую идею богоуподобления, Русская Православная Церковь (просветитель Руси) сосредотачивает свои усилия на внутреннем мире человека, формируя у него спектр черт, таких как нравственная чистота, аскетизм, смирение, жертвенность и милосердие, развивая у него способность к самонаблюдению, самоизменению и коррекции собственного поведения.

В религиозном дискурсе культура, образование и воспитание изначально понимаются как средства развития духовной сферы личности, ее духовности и нравственного поведения. Особенность этого условно «религиозно-педагогического» фонда в том, что главные его содержания не субстанциальны, а энергийны, личностны, – это практики устроения внутреннего мира человека.

Как видно из источников, отсутствие мыслительного культуропреимства от развитой христианской Византии обусловило самобытные условия становления и развития образования на Руси и его преобладающую тенденцию. «Образование приобрело метафизический и глубоко духовно-антропологический смысл» [8, с. 97].

Изучая развитие национальных историко-педагогических процессов, отметим, что в условиях зарождения православного, религиозного сознания местами, которые формируют христианский уклад и нравственный идеал русской жизни, являются православные монастыри.

В монастырях осуществлялось антропологическое строительство – практика «внутреннего духовного делания» [2, с. 23]. В монастырь, как в училище благочестия, шли и князья, и простые люди. В своих стенах русские монастыри, пронизательно названные мыслителями «лабораториями духа», создавали феноменальный и неповторимый климат духовного просвещения личности, заключающийся в молитвенном общении и последовательном изменении человеком себя (воспитание целостного характера человека – его ума, воли и сердца) для дальнейшего соединения себя уже с Богом.

Концепция совершенного человека обусловила и формы церковной педагогики. Это, в первую очередь, наставничество многоопытного и уважаемого всеми духовника,

насельника монастыря, который показывал правила и примеры богоугодной жизни. Наставничество – это еще и молитвы духовника о послании ему мудрости в обучении своих учеников. С. С. Хоружий отмечал, что послушник и наставник монастыря образовывали теснейшую двойственную человеческую связь – двоицу, или «диаду» [4, с. 108].

В древнерусский период монастырь был своеобразной школой духовного взросления, причем не только живущих в нем монахов-насельников, но и обычного народа. Он был школой-храмом, где просвещались безграмотные люди. Единственным местом, где народ мог получить хотя бы элементарное образование, являлся храм, осуществляющий ежедневную церковную литургическую жизнь. В храме звучало и живое слово – проповедь. Храмовая проповедь несла назидательную функцию. Проповедник, обращаясь к различным сферам деятельности человека, говорит о них на языке христианского видения мира. В церковной проповеди: «представления о “должном” и о “сущем”... детально анализируют “сущее”, чтобы привести читателя к мысли о необходимости осуществлять в жизни “должное”» [9, с. 36].

Сущность монастырской системы воспитания полно раскрывается ученым Е. А. Каруниным:

- общежительная система устройства монастыря, базирующаяся на равенстве, дисциплинированности, полном и добровольном отрицании частной собственности, четком распределении обязанностей, являлась эффективной формой иноческого воспитания;
- воспитание инока в системе соборного монашеского общежития носило поступенный (ступенчатый) характер;
- первая ступень духовного восхождения связана с подготовкой послушника к иночеству: на данном этапе молодой послушник, находясь под руководством духовного наставника, изучал монашеские правила и порядки, испытывая свои нравственные силы;
- вторая ступень самосовершенствования начиналась с пострижения послушника в монашеский чин. Воспитание на данной ступени базировалось на строгом и неуклонном следовании инока единым правилам, которые были закреплены в уставе монастыря; при этом духовно-нравственное совершенствование личности монаха проходило на виду у всей братии (воспитание «на людях»);
- третьей ступенью совершенствования было самостоятельное подвижничество и труд – иконописание, книгописание, храмостроительство во благо Святой Церкви и русской земли, которыми занимались прошедшие многие ступени опытные монахи [10, с.57].

В процессе изучения педагогики древнерусского монастыря важна мысль С. С. Хоружего, который писал: «Безусловно, эта жесткая дисциплина послушания (монастыря) не была самоцелью... она органически возникала из самой стихии подвига: опыт рождал твердое убеждение в том, что без этой дисциплины, каким-либо иным образом, вступление на путь подвига невозможно. За этим опытным фактом стоят глубокие антропологические факторы. Путь подвига – альтернатива всему порядку мирского существования, в который прежде был погружен послушник» [4, с. 103].

Таким образом, правильно будет утверждать, что монастырская традиция образования и воспитания включает в себя систему православных мировоззренческих, антропологических, гносеологических, ценностных установок. Она организуется вокруг антропологической идеи богоуподобления через «первенство духовного строения», как ключевое направление национального воспитания данного периода.

В ключе личности рассматривается и книжная культура России. Как видно из источников, «христианская книжность на первых порах не только расширяла умственный горизонт древнерусского писателя и читателя, но и знакомила его с новыми общественными и нравственными понятиями» [9, с. 44].

Размышляя об особенностях древнерусских книжных источников и представлений, отметим, что религиозно-философская мысль указанного периода антропологична, ее характерной чертой является акцент не столько на познание законов мироздания, сколько на постижения законов нравственной жизни. Ей от самого ее зарождения был присущ учительный, воспитательный и даже дидактический характер. Так, например, в известном произведении «Молитва» великий мыслитель древности иерарх митрополит Илларион говорит о бренности и суетности существования людей. Текст выводит образ человека – существа «реального», «земного», обремененного делами и житейскими проблемами, которому трудно идти по пути духовного возрастания: «Похоти плотской мы предались, поработенные грехами, и печали житейские отдалили нас от своего Владыки, отклонились от добрых дел, окаянные, злого ради жития... Каемся, просим, молим, каемся в злых своих делах. Просим: да пошлешь страх в сердца наши!» [9, с. 45].

Такой известный науке литературный жанр, как агиография – жития святых, – особый литературный пласт данного периода, показывающий образы и образцы, модели благодатной и праведной жизни, а также и образцы ситуаций, духовных конфликтов и жизненных испытаний. Житие, по заключению историков, – это «не биография светских лиц, это особая отлившаяся в сознании народа форма для выражения идеального образа святого человека как образца (примера) для подражания» [10, с. 81].

В образе святых древнерусские книжники раскрывали и показывали народу христианский идеал личности, который являл собой идею православия, пример душевности, доброты, кротости, отзывчивости, умения мирно сосуществовать с другими. В житиях показывались человеческие грехи: гнев, блуд, жадность, сребролюбие, злоба, уныние, гордость. Авторы давали рекомендации по их исправлению.

Отметим, что религиозная традиция и конституирующая ее парадигма богоуподобления человека, составляющая средоточие Восточнохристианского учения, получила на православной Руси отличное звучание. В Древней Руси, наследованием, преемством связанной с общехристианскими традициями и с византийским духовным наследием, изначально формировался самобытный духовный идеал. «Духовность русского народа развивалась на основе усиления евангельской идеи действенной любви, служения, жертвенности и милосердия» [11, с. 17].

Ярким примером концепции «богоподобия» можно считать житие Бориса и Глеба. «О двоице священная, братия прекрасная, страстотерпцы Борисе и Глебе... Не мощь

святых, а их безвинные страдания, подобно Христу, во имя Христа были основным условием их канонизации, такой непонятной грекам... Это сочувствие к безвинно пострадавшим от рук сопротивных является ярким свидетельством влияния учительной книжности на жизнь духовную русского общества» [8, с. 110].

Не менее выразительным для формирования личностных идеалов людей древней Руси стал образец праведного христианского быта, проявившийся в древнем житии первого преподобного канонизированного Русской Церковью Феодосия Печерского, основоположника русского монашества, строителя цитадели русского монашества – Киево-Печерского монастыря.

Борис и Глеб следовали Христу в жертвенности, Феодосий же следует Христу в его нестяжательстве – нищете, унижении, и «кенозисе» (самоотвержении). Для преподобного Феодосия характерна личная добровольная бедность, аскеза, ярко отраженная в житии, наряду с широкой благотворительной деятельностью. Феодосий неизменно кроток со всеми. Смирен сердцем он и с разбойниками, пытающимися ограбить его обитель, и с грешными и со слабыми среди монастырской братии. Смирение в сочетании с христианским трудничеством делало русское иночество конкретным воплощением христианского идеала, примером жизни в подвиге. Его образ и духовничество, как показывают житийные повествования, стали одним из мощнейших средств морального воздействия на светское общество.

Показательна мысль Г. П. Федотова о том, что «русский народ в телесном аскетизме, жертвенности и смирении воспринял всю сущность христианского спасения, через него понял все христианство... Мы не могли читать Гомера, философствовать с Платоном... В Париже XII века гремела битва схоластов и рождался университет, – в “Золотом” Киеве ничего, кроме подвигов Печерских иноков, слагавших летописи и патерики. Правда, такой летописи не знал Запад, да, может быть, и патериков тоже» [12, с. 104].

Для людей Древней Руси, как богатых, так и бедных, эти близкие образцы добродетелей служили уроками и примерами праведной жизни. Показывали, как творить добро, как бороться со своими страстями, как совладать с самим собой, как поступать по совести.

Конечно, не стоит идеализировать реальную ситуацию жизни древнерусских людей. Глубинная ориентированность народного сознания на христианско-православный идеал не устраняет тот факт, что достичь этого идеала народной массе было практически невозможно. Мирская народная жизнь медленно прогрессировала в нравственной сфере. Пороки, пришедшие из языческой жизни славян: пьянство, блуд, убийства, – очень часто проявлялись в быту новообращенных христиан.

В связи с этим Русская Православная Церковь в лице своих иерархов, просветителей, учителей пыталась адаптировать абсолютный идеал человека (богоподобие) к условиям повседневной жизни. Этот идеал можно назвать «реальным идеалом», который вполне достигим в течение жизни человека.

Отметим, что установка на достижение «реального идеала» позволила Церкви за сравнительно непродолжительное время изжить в народе многие негативные социальные проявления. Церковь строго запрещала ростовщичество и многоженство, и эти пороки народного развития ею были в целом искоренены.

Личностный идеал «богоподобия» оказывает влияние и на организацию древнерусских школ. Школа на «утверждение веры» была «общенародною и везде единообразною, давала образование общее и необходимое» [13, с. 84]. Древнерусскую школу нельзя было назвать заведением, имеющим профессиональный или сословный характер. Школа этого периода была местом воспитания, доступным для всех.

В школе ученики воспитывались в строгости и традиции, основное внимание отдавалось нравственному элементу образовательного процесса. Из истории образования известно, что содержание нашего образования, по сегодняшним меркам, было достаточно узкое. В наших первых древнерусских училищах-церквах преподавали всего три предмета (чтение – религиозное, письмо – священное, пение – церковное), которые, по существу, представляли собой один главенствующий предмет – «Богопознание». Это неизменная основа церковных школ. В первых древнейших свидетельствах мы находим общие выражения: отрок вдан бывает – «грамоте учиться», «книгам учиться», «учитися книжному писанию», «учению книжному», «азбукам и всякому написанному святых книг слову» и т. п.

Процесс обучения грамоте, который проходил исключительно на церковнославянском языке, нес преимущественно религиозное, а не знаниевое для человека значение. Задачей древнерусского обучения было сформировать у молодых христиан религиозное мировоззрение. Так, из трудов Д. С. Лихачева видно, что «кириллица таит в себе трактовку мироустройства, где каждая буква заключает смысл и расшифровывается как Аз Бога Ведаю, Глаголя Добро, что Есть Жизнь» [9, с. 47].

Сама азбука имела сакральный, назидательный смысл:

Живущим в заповедех Ти.
Селó бо есть светíльник жíзни
Закóн Твой, свет стезя́м,
Иже и́щет ева́нгельска сло́ва
И прóсит да́ры Твоя́ пріяти.
Ко крещéнию обраті́шася всі́,
Людие Твої́ нарещі́ся хотя́ще,
Мілости Твоя́, Бо́же, прóсят зело́,
Но мне ны́не простра́нно сло́во даждь,
О́тче, Сы́не и Пресвяты́й Ду́ше,
Прося́щему по́мощи от Тебе́.
Ру́ци бо свой́ выспрь возде́ю прісно,
Си́лу пріяти и му́дрость у Тебе́.

Весь мир славянской азбуки отражал онтологический дискурс христианства. Грамотность являлась не только буквенным знанием, но и выступала в качестве мировоззренческой основы, базой для рождения и развития личностных идеалов. Такая концепция просвещения имела комплексный и продуманный характер, позволявший Русской Православной Церкви осуществлять все три важнейших педагогических процесса – образование, воспитание и обучения.

Распространению идей духовности, смирения, аскетизма, презрения к суетным развлечениям и богатствам земного мира оказывали содействие достаточно распространенные в древней Руси поучительные сборники. Известные ученым сборники «Пчела», «Златоструй», «Златоуст», «Азбуковники», «Златые Цепи» представляют собой срез культурно-педагогического сознания древнерусской эпохи. Указанные сборники включали изречения о воспитании у детей благочестия о почитании родителей и старших и другие «душеспасительные» советы и наставления.

Например, «Пчела» содержит краткие изречения о разных предметах, большей частью нравственного характера (например, о мудрости, о мужестве, о правде, о дружбе, о благодати). В каждой главе идут сначала изречения из священного Писания, потом отрывки из Восточных отцов и учителей церкви, а также темы, касающиеся сущности христианской морали, норм нравственности и поведения: «В ком зависть и соперничество, тот всем противник, ибо не хочет, чтоб предпочтен был другой. Заслуживающих одобрения он унижает; кто идет добрым путем, тем полагает на пути соблазны: кто живет как должно, тех порицает, благоговейным гнушается, постящегося называет тщеславным, рачительного в псалмопении – любящим себя показать, скорого на услуги – жадным, расторопного в делах – славолубивым, прилежно занимающегося книгами – празднолюбцем... Горе завистливому, потому что сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностью, и силы его истощаются» [13, с. 70].

Известностью пользовались и «Златоусты», которые, по мнению филологов-энциклопедистов, представляли собой учительные сборники, состоящие из дидактических сочинений, приуроченных к определенным дням годового цикла.

Историко-педагогический анализ древнерусских текстов показывает, что знания конкретных житейских областей, не профессиональные навыки, но личностные качества, а также сами практики организации внутреннего мира человека (чистая совесть, милосердие, кротость, забота, честная трудовая жизнь, смиренномудрие, воздержание, всепрощение, благоразумие, незлобие) виделись древнерусским людям свойствами самыми важными.

Также и Русская Православная Церковь, первый просветитель нашего народа, интуитивно отторгала те идеи, которые стремились приспособить образование человека к геополитическим устремлениям того или иного исторического периода. Церковь последовательно реализовала центральную идею христианства – идею «богоуподобления».

По мнению ученого М. В. Богуславского, эти духовные архетипы (архетипические педагогические представления) носили в отечественной педагогической традиции устойчивый характер [14].

Еще одним направлением «антропологического строительства» в Древней Руси можно считать православную иконопись. Догматические аспекты развитого Византийского Православия были недоступны молодой Руси. Однако русский народ, по мнению философов, всегда успешно развивался в тех областях, которые требовали постижения высшей истины не столько разумом, сколько сердцем, чувствами, душой.

Каждая эпоха имеет свой зримый, предметный чувственный облик, который свидетельствует о специфическом типе ее восприятия и ощущения мира. Эстетика иконы и

эстетическое воздействие иконы на человека – это важные вопросы в антропологии древней Руси. Всем известно, что русские иконы содействовали обогащению духовного мира человека.

Подводя итоги, можно отметить, что в древнерусский период на Руси идеал человека формировался под главенствующими, православными онтологическими, антропологическими, гносеологическими представлениями и аксиологией христианского учения. В данный период сложилась последовательная практика образования, обучения и воспитания, целенаправленная на задачу подражания Христу, в религиозном дискурсе – «богоподобие». Концепция совершенного человека успешно реализовалась посредством культурных достижений – православной учительной книжности, школ, а также подвижников-просветителей.

Список литературы

1. Рувинский Л. И. Сознательная вера и духовное совершенствование. – М.: Педагогический вестник, 2002.
2. Янушкявичене О. Л. Историко-теоретический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009.
3. Шкабара И. Е. Генезис парадигм воспитания в отечественной истории VIII–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Екатеринбург, 2007.
4. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
5. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академ. Проект: Раритет, 2001.
6. Булычев Ю. Ю. Россия как предмет культурно-исторического познания. Введение в проблему российской культурно-исторической самобытности: моногр. – СПб.: СПбГПУ, 2005.
7. Шестун Евгений (протоиерей). Православная педагогика: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Про-Пресс: Правосл. педагогика, 2001.
8. Налётова Н. Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России: дис. ... д-ра пед. наук. – Смоленск: СмолГУ, 2014.
9. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства, XIV–XVII вв. / [сост. С. Д. Бабишина, Б. Н. Митюрлова; вступ. ст. Д. С. Лихачева, Г. М. Прохорова]; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1985.
10. Карунин Е. А. Педагогическое наследие Сергия Радонежского: Духовно-нравственный аспект воспитания: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000.
11. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2011.
12. Федотов Г. П. Святые древней Руси. – М.: Московский рабочий, 1990.
13. История педагогики в России: хрестоматия для студентов гуманитарных вузов / сост. С. Ф. Егоров. – 2-е изд. М.: Academia, 2000.
14. Богуславский М. В. История педагогики: методология, теория, персоналии: моногр. – М.: ИТИП РАО: Изд. центр ИЭТ, 2012.

15. Богуславский М. В. Страсти по синергетике // Мир образования. – 1997. – № 5. – С. 18–21.
16. Богуславский М. В. Философия образования в трактовке мыслителей российского зарубежья // Педагогика. – 2000. – № 9. – С. 66–74.
17. История педагогики: учебник для аспирантов и соискателей системы послевузовского профессионального образования по дисциплине «История и философия науки» / под ред. акад. РАО Н. Д. Никандрова. – М.: Гардарики, 2007. – 413 с.
18. Александрова В. Г., Богуславский М. В. Новые рубежи педагогической реальности: аксиология, духовность, гуманизм. – М.: МГПИУ, 2007. – 311 с.

References

1. Ruvinskiy L. I. *Soznatel'naya vera i dukhovnoe sovershenstvovanie*. Moscow: Pedagogicheskiy vestnik, 2002.
2. Yanushkyavichene O. L. *Istoriko-teoreticheskiy analiz stanovleniya i razvitiya teorii dukhovnogo vospitaniya podrastayushchikh pokoleniy. Extended abstract of PhD dissertation (Education)*. Moscow, 2009.
3. Shkabara I. E. *Genezis paradigm vospitaniya v otechestvennoy istorii VIII–XVII vv. Extended abstract of ScD dissertation (Education)*. Ekaterinburg, 2007.
4. Khoruzhiy S. S. *Ocherki sinergiynoy antropologii*. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005.
5. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii*. Moscow: Akadem. Proekt: Raritet, 2001.
6. Bulychev Yu. Yu. *Rossiya kak predmet kulturno-istoricheskogo poznaniya. Vvedenie v problemu rossiyskoy kulturno-istoricheskoy samobytnosti: monogr.* St. Petersburg: SPb-GPU, 2005.
7. Shestun Evgeniy (protoierey). *Pravoslavnaya pedagogika: ucheb. posobie*. Moscow: ProPress: Pravosl. pedagogika, 2001.
8. Naletova N. Yu. *Genezis pravoslavnogo obrazovaniya v kontekste kulturno-istoricheskogo razvitiya Rossii. ScD dissertation (Education)*. Smolensk: SmolGU, 2014.
9. Babishina S. D., Mityurova B. N. (Comp.) *Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi i Russkogo gosudarstva, XIV–XVII vv.* Moscow: Pedagogika, 1985.
10. Karunin E. A. *Pedagogicheskoe nasledie Sergiya Radonezhskogo: Dukhovno-nravstvennyy aspekt vospitaniya. PhD dissertation (Education)*. Moscow, 2000.
11. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus i Velikaya step*. M.: Ayris-press, 2011.
12. Fedotov G. P. *Svyaty drevney Rusi*. M.: Moskovskiy rabochiy, 1990.
13. Egorov S. F. (Comp.) *Istoriya pedagogiki v Rossii: khrestomatiya dlya studentov gumanitarnykh vuzov*. Moscow: Academia, 2000.
14. Boguslavskiy M. V. *Istoriya pedagogiki: metodologiya, teoriya, personalii: monogr.* Moscow: ITIP RAO: Izd. tsentr IET, 2012.
15. Boguslavskiy M. V. *Strasti po sinergetike. Mir obrazovaniya*. 1997, No. 5, pp. 18–21.
16. Boguslavskiy M. V. *Filosofiya obrazovaniya v traktovke mysliteley rossiyskogo zarubezhya. Pedagogika*. 2000, No. 9, pp. 66–74.

17. Istoriya pedagogiki: uchebnyy dlya aspirantov i soiskateley sistemy poslevuzovskogo professionalnogo obrazovaniya po distsipline "Istoriya i filosofiya nauki". Moscow: Gardariki, 2007. 413 p.
18. Aleksandrova V. G., Boguslavskiy M. V. *Novyye rubezhi pedagogicheskoy realnosti: aksiologiya, dukhovnost, gumanizm*. Moscow: MGPU, 2007. 311 p.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2019, № 1

Статья поступила в редакцию 16.04.2018
The article was received on 16.04.2018